

МАСТЕРА ЭСТРАДЫ

ИРАКЛИЙ АНДРОНИКОВ

И. АНДРОНИКОВ — самый младший из мастеров эстрады. Он только начинает выходить на публику. Он выступал всего пять-шесть раз. Его совсем не знает большая аудитория. Его аудитория по нынешний день — круги «прикосновенных», люди искусства. И даже еще теснее: по воспитанию он — литературовед, молодой историк литературы; пародии и имитации он преподносил в шутливые минуты своей среде. Но своя среда разглядела две вещи: каким он будет исследователем — еще неизвестно, но совершенно явно, что он замечательный художник устного рассказа. Чужим, для простоты, его называли имитатором: очень-де хорошо подражает разным людям. Его уговаривали показать себя публично. Он упирался, так как считал себя ученым, а в выступлениях на эстраде видел умаление достоинства. Однако писатели одолели. Алексей Толстой в качестве лучшей андрониковской модели водил его с собой и показывал как феномена: «Это — совершенно замечательный человек... Он может совершенно гениально обхамить... Ираклий, покажи!». Нехотя, Андроников показывал. Его слушали трое, пятеро, шестеро. Но в совокупности это составляло десятки людей. Побежала устная почта. «Прикосновенные люди» спрашивали друг друга: «Андроникова слышали?». И тот, кто не слышал, конфузился. Дом писателей устроил вечер, потом другой. В противность обыкновению писатели, ленивые и разборчивые, были дружно налицо, и так же дружно пришли вторично. Это было высокое признание. Андроников растерялся. Он увидел, что его слушали всерьез. Его заставили выступить в Доме печати, затем в Клубе мастеров искусств. Аудитории были полны. Он еще раз убедился в своей общественной весомости. Его принимали, как принимают настоящих людей искусства. Так началась его публичная жизнь. Но он чувствует себя все еще на распутье: делаться ли профессионалом или довольствоваться высоким дилетанством?

На это отвечают размеры его таланта. Они больше, нежели он сейчас обнаруживает. Дилетантизм связывает его и далее будет мешать ему все больше. Я думаю, что несколько лет работы сделают Андроникова самым крупным из героев нашей эстрады. Мысленно я провожу перед собой их ряд. Соперников пока ему не видно. Искусство эстрадного рассказа все еще невзыскательно. Им занимаются те, кого публика именует «кофемасками». Но на них есть печать рашинничества. Они по правилу вульгарны. Они любят штучки. У каждого своя потешная вывеска. Мы наперед знаем их педали. Вот Икс — он считает замечательным облизывать языком губы и растопыривать короткие пальцы. Вот Игрек — он лущит глаза и говорит «белым голосом». Вот Зет — он все приправляет одесскими интонациями. Куда как занятно! Между профессиональным эстрадником и актером, входящим на эстраду, все еще не стерта грань, отделяющая искусство малое от искусства большого. Тут держатся старинные различия «высокого» и «низкого» жанра. А вот у Андроникова их нет, — даже сейчас, в начале работы. Когда видишь его на эстраде и слушаешь, — не морщишься и не делаешь скидок на эстрадное бытие. Он сохраняет простоту и благородство.

Его дарование соединяет два свойства. Первое, самое редкое, — настоящая литературность. Его тексты — произведения подлинного писателя. Он не записывает их. Он воспроизводит их на память. Он их всегда варьирует. Но они не кажутся импровизациями. Они отгненны, строго рассчитаны, тонко пригнаны. Их уже надо, их пора записать. Они годны не только для Андроникова, но и для других.

По приемам андрониковские тексты напоминают драматизованную прозу Шницлера. Знает ли ее Андроников? Австриец работал тем же ажурным письмом. Он составлял свои монологи из таких же осколков фраз, пауз, вопросов, слов, схваченных налету. И так же внутри, невидимо, они были крепко связаны. Как знать — быть может, и у Андроникова писательская стихия, находящая себе пока

Артисты эстрады еще сильно отстают от своих товарищей по драматическому и оперному театру. Однако на эстраде формируются новые кадры, среди которых есть даровитые советские мастера. Два творческих портрета таких молодых артистов советской эстрады — Ираклия Андроникова и Петра Курзнера — мы печатаем ниже.

Боковой выход, еще прорвется напрямик и понесет его в беллетристику.

Второе свойство, более обычное, но вовсе не частое — артистичность исполнения. В этом отношении Андроников такой же «моцартавец», как Образцов. Пожалуй, даже больше, чем тот: партитура средств у него еще легче, тоньше, гармоничнее. У него начисто нет педализации или заигрывания со слушателями, как

И. Андроников

это бывает у Образцова. Андроников не скрадывает тонкостей. Он не беднит их и не упрощает. В его исполнении есть уверенность, которая с первых же слов этого новичка и дилетанта вызывает в нас доверие, какое бывает к давно испытанному, большому актеру. Мы понимаем то, что он хочет, и так, как он хочет. Он лаконичен и ясен. Несколько движений лица, скупой жест руки, — и образ дан. Мы видим знакомых людей и верим в знакомых.

Всего этого достаточно, чтобы объяснить стремительный рост внимания к Андроникову. Такие люди появляются в самом деле не часто. Но свои беды есть и у него. Сегодня, у блестящего дилетанта, мы их не замечаем; завтра, профессионалу, мы их не простим. Первая беда — небольшой диапазон того, что он делает. Он слишком камерен. Он почти комнатный. У него узкие темы. Они носят пометку своего домашнего происхождения. Они направлены к круту своих людей, к тем, которые самолично знают героев андрониковских повестей и могут наслаждаться его тонкой подметчивостью. Для большого слушателя эта ювелирность в значительной мере пропадает. На ее место выступает остов, костяк, карикатура. Она дает повод любому дежурному глупцу кричать о памфлете. Поэтому лучше всего Андроников тогда, когда он наперед знает, что его персонажи нам неизвестны. Он делает их черты крупнее и оттенки полновеснее. Такие безымянцы у него получаются глубже и художественнее, чем изображение Алексея Толстого или Качалова, или Маршала, или трех ленинградских профессоров литературы, зашифрованных, но легко угадываемых, забавных, но несlišком значительных. Они хороши для начала, но легковесны для продолжения и будут совсем картонажны для конца.

Между тем у Андроникова — абсолютная память и слух. Ему надо выйти за пределы «прикосновенных».

И второе: артистичность не всегда спасает Андроникова от технических недостатков. Ему надо ставить крепко голос. Он легко слает. Хорошие природные данные получают иногда домашнее звучание. Андроников нерассчетлив. Он тратит энергию с размахом. Бывает, что запаса сил не хватает, чтобы дотянуть. Он кончает усталым. Мы это видим. Ему нужно выверить размеры своих программ и длину своих рассказов. Это должно быть таким же абсолютным, как их словесный рисунок.

АБРАМ ЗФРОС

3